

Кустышев Андрей Николаевич

ПРОБЛЕМА ОТКАЗЧИКОВ В ЛАГЕРЯХ ГУЛАГА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с наличием в лагерях ГУЛАГа на Европейском Севере России заключенных, отказывающихся от работы, - отказчиков. Основное внимание автор акцентирует на факторах, способствовавших изменению численности данной категории заключенных. Увеличение численности заключенных-отказчиков рассматривается как фактор, сдерживающий мобилизационные усилия системы принудительного труда, направленные на колонизацию труднодоступных территорий Европейского Севера России.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/3-2/29.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. II. С. 106-110. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 343.814(470.1/2)

В статье рассматриваются проблемы, связанные с наличием в лагерях ГУЛАГа на Европейском Севере России заключенных, отказывающихся от работы, – отказчиков. Основное внимание автор акцентирует на факторах, способствовавших изменению численности данной категории заключенных. Увеличение численности заключенных-отказчиков рассматривается как фактор, сдерживающий мобилизационные усилия системы принудительного труда, направленные на колонизацию труднодоступных территорий Европейского Севера России.

Ключевые слова и фразы: Европейский Север России; лагеря ГУЛАГа; заключенные; принудительный труд; отказ от работы; отказчики; репрессивные меры.

Андрей Николаевич Кустышев, к. ист. н.

Кафедра истории и культуры

Ухтинский государственный технический университет

akustyshev@ugtu.net

ПРОБЛЕМА ОТКАЗЧИКОВ В ЛАГЕРЯХ ГУЛАГА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ®

В исторической литературе, посвященной экономическим аспектам гулаговской экономики, одним из ключевых является дискуссионный вопрос об эффективности принудительного труда. Пермский историк А. Б. Суслов предлагает вести разговор в первую очередь не об эффективности в чисто экономическом понимании этого термина, а о том, что понималось под ней политическим руководством страны: возможности быстрого решения политико-экономических проблем, больших мобилизационных возможностях системы принудительного труда в рамках ГУЛАГа [9, с. 275].

Рассмотрение данного вопроса, на наш взгляд, было бы не вполне корректным без анализа факторов, которые сдерживали мобилизационные усилия этой системы на протяжении всей ее истории, в том числе усилия, направленные на колонизацию труднодоступных территорий, в частности Европейского Севера России. Данный регион занимал в истории ГУЛАГа уникальное место, он стал не только территорией, на которой зародилась система лагерей и спецпоселений, но и пространством, насыщенным гулаговскими образованиями различного типа, сыгравшими существенную роль в его социально-экономическом развитии. Одним из факторов, компенсирующих мобилизационные усилия ГУЛАГа, направленные на освоение этой отдаленной, малозаселенной территории, являлось наличие в общей массе трудовых ресурсов исправительно-трудовых лагерей большого количества заключенных, отказывающихся от работы, – отказчиков.

Следует согласиться с мнением исследователя В. А. Козлова, считающего, что формы протестной активности заключенных – волынки, коллективные отказы от работы – представляли собой достаточно органичную, естественную и традиционную часть лагерного быта. Для их начала не требовалось ни тщательной подготовки, ни особой идеологии, ни даже формулирования далеко идущих целей [7, с. 27]. При этом, по нашему мнению, следует учитывать, что отказ от работы являлся не только коллективным, но и индивидуальным явлением в лагерной среде. Кроме того, далеко не всегда подобная активность заключенных носила протестный характер, являясь проявлением самозащиты, борьбой за выживание в изнурительных условиях принудительного труда.

В предвоенный период лагерные контингенты были брошены на выполнение заданий 3-й пятилетки. На рабочую силу ИТЛ Наркомвнудела было возложено проведение важнейших строительных работ общей стоимостью до 12 миллиардов рублей [6, с. 160]. Это обстоятельство определяло в качестве первоочередной задачи обеспечение максимального использования лагерной рабочей силы и, соответственно, ужесточение санкций в отношении отказчиков. Необходимо отметить, что с 1937 г. отказ от работы стал рассматриваться как контрреволюционный саботаж строительства социализма. Практически это привело к тому, что в числе заключенных, осужденных по статье 58¹⁴, оказалось немало уголовников-рецидивистов. Воры, бандиты, убийцы попадали в разряд «политических». Данное обстоятельство углубляет представление о составе заключенных сталинских лагерей, делает его более объективным.

Вопрос о наказании заключенных, отказывающихся от работы, в конце 1930-х гг. рассматривался на уровне руководства страны. Нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия в письме председателю СНК СССР В. М. Молотову от 9 апреля 1939 г. сообщал о намерениях НКВД «по отношению к прогульщикам, отказчикам от работы и дезорганизаторам производства применять суровые меры принуждения – усиленный лагерный режим, карцер, худшие материально-бытовые условия и другие меры дисциплинарного воздействия... к наиболее злостным дезорганизаторам лагерной жизни и производства применять более суровые, судебные меры наказания, в отдельных случаях до высшей меры наказания включительно» [Там же, с. 161].

Записка Л. П. Берии была послана на заключение наркому юстиции Н. М. Рычкову и прокурору СССР А. Я. Вышинскому. По поводу предложения о применении высшей меры наказания к «злостным дезорганизаторам лагерной жизни» мнения разделились. А. Я. Вышинский поддержал эту меру «при условии точного соблюдения действующих законов». Н. М. Рычков высказался против применения расстрелов, если заключенные

не совершили преступление, за которое высшая мера наказания предусмотрена уголовным кодексом, и напомнил, что НКВД может применять к «дезорганизаторам» другие меры – карцер, усиленный лагерный режим, заключение в тюрьму и т.п. [Там же, с. 539].

7 июня 1939 г. совещание председателя СНК СССР и его заместителей, на котором присутствовал В. М. Молотов, решило снять с обсуждения вопрос, инициированный Л. П. Берией. Однако 10 июня 1939 г. Политбюро приняло постановление «О лагерях НКВД», в котором было полностью поддержано предложение Берии о наказании дезорганизаторов производства и лагерной жизни (вплоть до расстрела) [Там же].

15 июня 1939 г. Берией был подписан приказ НКВД СССР № 0168 «Об отмене практики зачета рабочих дней и условно-досрочного освобождения заключенных», в котором говорилось: «...по отношению к прогульщикам, отказчикам от работы и дезорганизаторам производства применять суровые меры принуждения – усиленный лагерный режим и другие меры дисциплинарного воздействия. К наиболее злостным дезорганизаторам лагерной жизни и производства применять более суровые меры – предание суду» [2, д. 39, л. 44].

После того как правительством была отменена практика зачетов рабочих дней и условно-досрочного освобождения, отказы от работы становятся массовой формой сопротивления гулаговского населения (в основном его неполитической части) новым неблагоприятным веяниям в пенитенциарной политике властей. В циркуляре 3-го отдела ГУЛАГа НКВД СССР № 148 об усилении борьбы с побегами и нарушениями лагерного режима говорится о «резком сопротивлении» отмене зачетов со стороны «наиболее злобно настроенной части заключенных», которое проявляется в побегах, злостном саботаже, организации эксцессов и неподчинении распоряжениям администрации [Там же, д. 50, л. 204]. Тысячи разбитых приказом НКВД надежд обернулись для власти пассивным массовым сопротивлением, фактически подрывавшим устои нового, созданного при Сталине и под Сталина экономического уклада.

Гулаговское начальство было обеспокоено тем, что «заключенные, осужденные за антисоветские преступления, ведут активную агитацию среди хорошо работающей части лагерников, склоняя последних к групповым отказам от работы, невыполнению норм, ссылаясь при этом на отсутствие перспектив досрочного освобождения» [Там же]. Власть отреагировала на данную ситуацию карательными мерами. Приказом НКВД СССР № 00889 от 2 августа 1939 г. была объявлена «Временная инструкция о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР». В соответствии с этой инструкцией за нарушение правил внутреннего распорядка, недобросовестное отношение к труду или отказ от работы на заключенных налагались следующие взыскания: 1) лишение свиданий, ограничение в праве пользования личными деньгами на срок до трех месяцев и возмещение причиненного ущерба; 2) перевод на общие работы; 3) перевод в штрафной лагпункт сроком до 6 месяцев; 4) перевод в штрафной изолятор сроком до 20 суток; 5) перевод на худшие материально-бытовые условия (штрафной паек, менее благоустроенный барак и т.п.) [3, д. 35, л. 24-25].

Как следует из Приказа по ГУЛАГу № 339 «Об усилении борьбы с отказчиками в лагерях и колониях НКВД» от 7 ноября 1939 г, несмотря на принимаемые репрессивные меры, число отказов от работы в лагерях продолжало оставаться большим. Только за первое полугодие по лагерям и колониям число отказов составило цифру 1 792 166 чел./дней, что в переводе на денежное выражение представляло значительную сумму [Там же, д. 25, л. 78].

По всей видимости, данная цифра не отражает подлинной картины, сложившейся в лагерях. Выявить, какое количество отказов было следствием неправильного трудового использования и халатного отношения администрации лагеря к заключенным, исследователю не представляется возможным. По вине низовых и средних работников лагерей многих заключенных записывали в отказчики, хотя на самом деле они не являлись таковыми. Так, например, в Ухтижемлаге к помощнику начальника химзаводской колонны Ткачеву во время утреннего развода обратился за разъяснением заключенный Коровин. Ткачев вместо разъяснения распорядился посадить Коровина в ШИЗО вместо работы. Заключенный просидел трое суток в изоляторе и после не ходил на работу до приезда начальника КВЧ. На него был составлен акт как на отказчика [Там же, л. 79]. Кроме того, мы можем предположить, что лагерной администрации, отчитываясь перед гулаговским начальством, было выгоднее представить простаивающих на производстве, раздетых и разутых заключенных, составляющих группу «Г», как отказчиков. Нередко в число отказчиков включали больных, слабосильных и инвалидов.

Как следует из справки Первого спецотдела НКВД СССР о количестве заключенных лагерей, осужденных за дезорганизацию лагерной жизни и производства, по состоянию на 20 апреля 1940 г. оперативно-чекистскими отделами лагерей было привлечено к ответственности и предано суду за дезорганизацию лагерной жизни и производства 4 033 человека. По отношению к общему количеству заключенных, содержащихся в лагерях НКВД (1 327 031), это составляет 0,3%. Далее идет перечень пяти лагерей, где данная проблема стояла наиболее остро. Три лагеря, упомянутые в справке, дислоцировались на территории Европейского Севера России. Это Белбалтлаг, в котором по данной причине было привлечено к суду 377 человек, Устьвымлаг – 187 чел.; Воркутпечлаг – 117 чел. [Там же, д. 1152, л. 2].

В конце 1940 г. в Ухтижемлаге, Воркутлаге и Северных железнодорожных лагерях НКВД за нарушение лагерного режима и систематические отказы от работ были привлечены к уголовной ответственности 26 человек заключенных. Были вынесены показательные смертные приговоры в отношении некоторых «злостных отказчиков» и подстрекателей к отказам от работы. Решениями Верховного трибунала войск НКВД обвиняемые (в числе 21 человека) приговорены к расстрелу. Остальные 5 заключенных осуждены на 10 лет лишения свободы каждый [6, с. 539].

Система принудительного труда стремилась предотвратить всевозможные проявления саботажа со стороны заключенных. Согласно циркуляру НКВД СССР № 23 от 28 января 1941 г. приговоры военных трибуналов и судов, выносимые за нарушение лагерного режима и отказ от работы, стали объявляться заключенным исправительно-трудовых лагерей и колоний [2, д. 107, л. 16].

К началу 1940-х гг. ситуация в лагерях ГУЛАГа, дислоцированных на территории Европейского Севера России, была следующей (см. Табл. 1).

Таблица 1.

Сведения о наличии отказчиков в ИТЛ за 1940-1941 гг.

[3, д. 1151, л. 1 об., 8 об., 12 об., 14 об., 15 об., 18 об., 23 об., 24 об., 25 об., 29 об., 31 об., 32 об., 36 об., 39 об., 41 об., 48 об., 57 об., д. 1161, л. 1 об., 9 об., 10 об., 11 об., 12 об., 13 об., 22 об., 23 об., 24 об., 31 об., 33 об., 38 об., 39 об., 42 об., 54 об., 55 об., 60 об., 61 об., 62 об., 63 об., 64 об., 65 об., 70 об.]

ИТЛ	январь 1940 г.		март 1940 г.		январь 1941 г.		март 1941 г.	
	Средне- списочное число заключенных	Отказ- чики	Средне- списочное число заключенных	Отказ- чики	Средне- списочное число заключенных	Отказ- чики	Средне- списочное число заключенных	Отказ- чики
Архангельская область								
Архбумлаг	8813	2232,53	8422	1161,37	6926	350,5	6494	530,81
Каргопольлаг	27432	2340,85	25648	1600,68	25732	970,37	26436	1280,48
Котласский пересыльный пункт	1164	131,11	1671	432,57	6734	20,02	4540	70,15
Кулойлаг	13478	2992,21	12931	510,39	14495	1721,18	15802	1370,86
Онеглаг	19222	880,45	18114	230,12	18447	1380,74	19973	1330,66
Севдвинлаг					16952	4412,6	27102	6742,48
Ягринлаг	30893	190,06	29037	70,02	30606	1310,42	28356	1490,52
Вологодская область								
Вытегорский					13252	1030,77	16150	1731,07
Опоклаг					680	10,14	1304	40,3
Строительство 105,106					33043	1910,57	31785	620,19
Череповецлаг					1211	70,57	3729	40,03
Мурманская область								
Кандалак- шинский					10546	640,6	11733	340,28
Кольлаг	4712	4208,91			5109	140,27		
Мочнегорлаг			3120					
Коми АССР								
Воркутпечлаг	16509	730,44	15460	580,37	19036	1540,8	19364	840,43
Локчимлаг	22585	250,11	21827	10	9900	150,15		
Печорлаг					36749	3330,9	45860	4100,89
Севжелдорлаг	26310	2580,98	24573	120,04	93319	9090,97	82557	5420,65
Устьвымлаг	10928	1211,1	10773	1951,81	14111	1851,31	23921	1040,43
Ухтижемлаг	19493	960,49	18422	1270,68	24349	1870,76	32650	2970,9
Карельская ССР								
Белбалтлаг	73072	13931,9	55273	9901,79	72145	13351,8 5	70745	11711,6 5
Сегеж-строй	7951	861,08	6143	841,36	7129	480,67	6732	310,46
Сороклаг	17934	4342,41	24329	4131,69	51452	4530,88	45743	4621

Таким образом, мы видим, что карательные меры, к которым прибегала власть, сыграли свою роль. Количество отказчиков среди заключенных лагерей ГУЛАГа на территории Европейского Севера России было незначительным. В большинстве ИТЛ оно было менее 1%. Редко в каких лагерях был превышен порог в 2%.

При этом необходимо учитывать, что во многих ИТЛ были лагподразделения, где количество отказчиков было весьма значительным. Одним из факторов, способствовавших увеличению их численности, являлись условия содержания заключенных, характер их трудоустройства. В предвоенный период большое значение придавалось строительству тракта Чибью – Крутая, которое осуществлял ОЛП-11 Ухтижемлага. Данный тракт должен был обеспечить транспортной связью рабочий поселок Ухта – центр нефтяной промышленности Коми АССР – со стройплощадкой в районе добычи естественного горючего газа около деревни Крутая, что находилась в 78,5 км юго-восточнее Ухты. Среди работающих на трассе достаточно много было отказчиков. Летом 1940 года их насчитывалось порядка 9,2% к списочному составу [8, д. 780, л. 64]. Эти данные косвенно указывают на предельно тяжелые условия содержания заключенных и изнуряющий характер выполняемых на тракте

работ. Лазарь Валерштейн вспоминает об этом так: «...ад крошечный. Дебри непроглядные, болота ржавые, топкие, непроходимые, царство кошмара да гнуса... Зимой же валили мы лес в бураны, по уши в снегу, в одночасье мокли и мерзли. С питанием было плохо. Бывали дни, когда, кроме тощей сухой селедки или малюсенькой такой рыбешки – “зельди зырянского посола”, ничего не получали». Валерштейн называет трассу кладбищем: «...тут, что ни метр дороги – мертвец» [1, с. 271].

С началом Великой Отечественной войны и без того трудные условия жизни заключенных стали еще тяжелее. Голод, болезни, высокая смертность, ужесточение режима содержания, неопределенность своего положения явились одним из катализаторов протестных выступлений заключенных, в частности отказа от работы. В докладе начальника ГУЛАГа В. Г. Наседкина наркому внутренних дел Л. П. Берии «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941-1944)», составленном в августе 1944 г., сообщается, что число отказчиков от работы по сравнению с 1940 г. сократилось в пять раз и составляет 0,25% к общему числу работающих; во многих лагерных подразделениях и колониях совершенно ликвидированы отказы от работы, и весь состав заключенных выполняет производственные нормы [4, с. 282]. Тем не менее в архивах сохранилось множество документов, свидетельствующих о том, что практика отказа от работы, выражавшаяся в самых разных формах, вплоть до умышленного членовредительства и самоистощения, получила широкое распространение. В 1942 г. в Устьвымлаге за подобные действия к уголовной ответственности было привлечено 62 заключенных. В Каргопольлаге для того, чтобы получить освобождение от тяжелых физических работ, группа заключенных производила ожоги различных частей тела, используя цветы, содержащие ядовитые вещества. В Севдвинлаге ряд заключенных, употребляя в течение продолжительного времени в большом количестве соль и воду, доводили свое тело до опухания и таким образом добивались освобождения от работы [10, с. 202]. Всего в течение 1941-1944 гг. за отказ от работы к уголовной ответственности в лагерях и колониях было привлечено 13 256 чел. [4, с. 285].

НКВД СССР отреагировал на рост числа отказчиков ужесточением мер репрессивного характера. Директивой НКВД от 14 июля 1943 г. расследование дел всех злостных отказчиков от работы (такowymi считались все, кто совершал подобное действие более трех раз) возлагалось на оперативно-чекистские отделы, которые обязаны были по истечении десятидневного срока передать дела в судебные органы. Отказчики, чьи дела находились в стадии оформления, подлежали содержанию в штрафных лагерных пунктах [6, с. 211].

В целом в довоенный и военный периоды формы протестных выступлений заключенных, к которым относились отказы от работы, менялись в зависимости от лагеря, режима содержания в нём и категории заключённых.

После окончания Великой Отечественной войны одновременно с расширением лагерной системы наблюдалась тенденция обострения кризисных явлений в лагерной среде, дестабилизировавших обстановку в ГУЛАГе. Одним из проявлений кризиса явился рост как индивидуальных, так и групповых отказов от работы. В 1946 г. за отказ от работы было привлечено к суду 878 заключенных, в 1947 г. – 1 072 человека (соответственно 5,7 и 4,7% к общей численности привлеченных к судебной ответственности заключенных) [5, с. 408]. К 1951 г. отказы от работы со стороны как уголовников, так и политических приняли массовый характер: согласно подсчетам МВД, потери из-за отказов за этот год составили более миллиона человеко-дней. В 1952 г. это количество удвоилось [11, с. 439]. В последующие годы в связи с введением зачетов рабочих дней и оплаты труда количество отказчиков сократилось, их доля в числе осужденных заключенных составляла 2-3% [5, с. 408].

Данные оперативной отчетности по ИТЛ-ГУИТК МВД позволяют зафиксировать увеличение во второй половине 1950-х гг. численности заключенных, не вовлеченных в трудовые процессы. Количество лиц, отказывающихся от работы, в течение 1957-1958 годов оставалось на одном уровне (в среднем ежедневно 11 500 человек) [4, с. 211]. В первые месяцы 1957 г. особенно неудовлетворительно складывалась ситуация в отдельных ИТЛ, дислоцированных на территории Европейского Севера России. Так, в Воркутинском ИТЛ количество не работающих по разным причинам достигало 21,2%, в Каргопольском – 19,9% [3, д. 2448, л. 38].

Несколько возросли соответственно и средние показатели, касающиеся заключенных-отказчиков в системе ИТЛ-ГУИТК в целом, – с 9 964 человек (2,2%) до 11 306 чел. (2,7%). Однако большую часть неработающих заключенных в составе группы «Г» составляли все же не они. Достаточно большое количество заключенных не было задействовано в трудовых процессах по причине непредоставления работы: 18 911 человек (4,3%) в 1956 г.; 31 041 человек (7,5%) в I квартале 1957 г. [Там же].

Многодневные отказы тысяч заключенных от работы ударили по несущим конструкциям сталинского ГУЛАГа как важного элемента социалистической экономики. Они являлись формой протестной активности заключенных, а также проявлением самозащиты, направленной на выживание в изнурительных условиях принудительного труда.

Анализ архивного материала позволяет согласиться с выводом исследователя А. Б. Сулова относительно того, что недостаточная производительность подневольного труда обуславливалась слабой заинтересованностью в результате не только непосредственных производителей, но и организаторов производства [9, с. 275]. Именно незаинтересованное отношение руководства лагерей в эффективном использовании рабочей силы, следствием которого являлись простои по причине непредоставления работы, большое количество раздетых, разутых заключенных, влекло рост показателей, касающихся заключенных-отказчиков.

Несмотря на введение в научный оборот ранее совершенно секретной ведомственной статистики ОГПУ – НКВД – МВД, отражающей состояние трудового фонда ИТЛ, проблема отказчиков как на региональном уровне, так и в масштабах страны в целом остается малоизученной. Она остается таковой в силу невозможности количественной оценки факторов отказа заключенных от работы или причисления их к отказчикам и, соответственно, эффективности механизмов адаптации системы принудительного труда к протестным настроениям подневольных работников. Речь идет как о мерах карательного характера, так и стимулирующих трудовую активность заключенных.

Тем не менее исследователи экономики принудительного труда должны не игнорировать проблему отказчиков в лагерях ГУЛАГа, а стремиться как можно дальше продвинуться в ее изучении. Это поможет получить адекватный ответ на вопрос о том, насколько эффективной являлась мобилизационная модель, апробированная руководством страны в процессе колонизации отдаленных труднодоступных районов, в частности Европейского Севера России.

Список литературы

1. Валерштейн Л. М. Люди ГУЛАГа // Печальная пристань. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. С. 268-281.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 1а.
3. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1.
4. ГУЛАГ: Главное управление лагерей: 1918-1960 / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: МФД, 2000. 888 с.
5. Иванова Г. М. История ГУЛАГа: 1918-1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 438 с.
6. История сталинского ГУЛАГа: конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7-ми т. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 3. Экономика ГУЛАГа / отв. ред. и сост. О. В. Хлевнюк. 624 с.
7. История сталинского ГУЛАГа: конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7-ми т. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 6. Восстания, бунты и забастовки заключенных / отв. ред. и сост. В. А. Козлов. 736 с.
8. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. Р-1668. Оп. 1.
9. Суслов А. Б. Принудительный труд на Урале: конец 1920-х – начало 1950-х гг.: эффективность и производительность // ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2008. С. 255-278.
10. Упадышев Н. В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. Архангельск: Поморский университет, 2007. 324 с.
11. Эпплбаум Э. ГУЛАГ: паутина Большого террора. М.: Московская школа политических исследований, 2006. 608 с.

OBJECTORS PROBLEM IN GULAG CAMPS WITHIN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA

Andrei Nikolaevich Kustyshev, Ph. D. in History
Department of History and Culture
Ukhta State Technical University
akustyshev@ugtu.net

The author discusses the problems associated with the presence of prisoners who refused to work – objectors – in Gulag camps in the European North of Russia, pays special attention to the factors that contributed to the change of prisoners number in this category, and considers the number increase of prisoners-objectors as the factor limiting the mobilization efforts of forced labour system, directed to the colonization of Northern European Russia remote areas.

Key words and phrases: European North of Russia; Gulag camps; prisoners; forced labour; refusal to work; objectors; repressive measures.

УДК 316.3/4:1

Статья раскрывает содержание понятий «социальное наследие» и «наследование». Основное внимание в работе автор акцентирует на онтологии социального наследования, раскрывая процессуальный характер отношений, протекающих через неизбежный диалог с прошлым, который включает в себя усвоение и расшифровку как вербальных, так и невербальных составляющих уходящей культуры, и на основе социально-исторического наследия в любой области человеческого опыта, особенно в сфере духовно-символической - матрицах социокультурной деятельности, однако незыблемыми эти стереотипы могут оставаться лишь до тех пор, пока они соответствуют главному принципу социума – его гомеостазису.

Ключевые слова и фразы: наследие; социальное наследование; социальная память; социальная информация; преемственность; свобода.

Любовь Николаевна Лабунская, к. филос. н., доцент
Кафедра всемирной истории и права
Таганрогский государственный педагогический институт им. А. П. Чехова
lnlabunskaya@mail.ru

СОЦИАЛЬНОЕ НАСЛЕДОВАНИЕ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ®

Исходным тезисом в постановке проблемы социального наследования является положение о механизме овладения последующими поколениями людей опытом, оставленным предшественниками. Этот опыт презентует прошлое, историю, которые должны быть приняты и поняты субъектами наследования. Решение такой исследовательской задачи достигается двояко, на основе:

1. диалогичного, дополненного полифоничным анализом социального наследия;
2. диалога, в идеале – полилога, современников с предшественниками.